

Предисловие главного редактора серии *Clarendon Studies In Criminology*

Предназначение книжной серии «Кларендонские исследования в области криминологии» (*Clarendon Studies in Criminology*) — обеспечить публикацию знаковых теоретических и эмпирических работ по всем аспектам криминологии и уголовного правосудия в их широком понимании. Редакторы с воодушевлением принимают к публикации труды состоявшихся ученых, а также талантливые кандидатские диссертации. Начало серии, первым главным редактором которой стал Роджер Худ, было положено в 1994 году в результате переговоров между издательством Оксфордского университета и тремя криминологическими центрами: Кембриджским институтом криминологии, Мангеймским центром криминологии Лондонской школы экономики и Центром криминологии Оксфордского университета. Под эгидой этих центров — каждый из них делегирует членов редколлегии и, в порядке очередности, редактора серии — она издается и сейчас.

Книга «Реорганизованная преступность: мафия и антимafia в постсоветской Грузии» Гэвина Слейда — желанное и весьма самобытное пополнение нашей серии. Это исследование организованной преступности (а точнее, мафии, известной как «воры в законе») в Грузии, преимущественно после распада Советского Союза. Как объясняет доктор Слейд, словосочетание «в законе» имеет значение «связанные кодексом», а именно воровским ко-

дексом чести, также известным как «понятия». В книге анализируется первоначальное укрепление этой преступной сети в первые постсоветские годы, однако особое внимание уделяется пониманию причин ее упадка и фактического исчезновения после «революции роз» 2003 года, которая положила начало согласованной кампании, направленной против организованной преступности и коррупции. Как получилось, что к 2012 году Грузия превратилась из типичной постсоветской республики, охваченной организованной преступностью, в страну, в которой нет места для людей мафии? Анализируя это в убедительном повествовании, включающем в себя множество ярких, красочных историй о ворах в законе, автор предполагает, что успех стратегии борьбы с преступностью был обеспечен комбинацией как внешнего давления со стороны реформированных полиции, прокуратуры и судов, так и подорвавших устойчивость организованного преступного братства внутренних факторов, таких как упадок доверия к нему и понижение его статуса. И то, и другое связано с более масштабными процессами в политической экономике Грузии, в частности с заботой нового правительства о снижении коррупции и обеспечении (часто с большими социальными издержками) физической безопасности граждан с целью создания привлекающих внутренние инвестиции условий.

Книга Гэвина Слейда оригинальна и ценна как пример исследования в области, в которую трудно проникнуть. Свои языковые навыки и личные контакты он использовал для того, чтобы ознакомиться с массой оригинальных данных, таких как полицейские досье, судебные дела и архивные документы — а также провести пятьдесят одно интервью с целым рядом респондентов, включая полицейских и судебных чиновников, а также информаторов за пределами системы уголовного правосудия. Но книга важна еще и тем, что имеет значение для анализа организованной преступности в более общем плане. Она особенно примечательна в качестве редкой, хотя и вполне применимой «истории успеха», предлагающей стратегии, которые могут принести пользу, поскольку демонстрируют в устойчивости преступных сетей уязвимые точки.

В то же время, указывая на способные благоприятствовать преступности слабые места в системе мер уголовного правосудия в социально-экономическом контексте, она предостерегает от чрезмерного оптимизма.

Важно не делать слишком поспешные выводы, не проявлять самонадеянность, объявляя конец воров в законе в этой стране, не исключать возможность появления альтернативных мафий в разных обличьях. Правительство Михаила Саакашвили изначально нажило большой политический капитал благодаря своему противостоянию коррупции, борьбе с мафией и войне с преступностью, однако безработица, бедность и неравенство все еще остаются на чрезвычайно высоком уровне... С отсутствием жизненных перспектив во многих районах страны и тысячами людей, проходящих через тюрьмы, нельзя уверенно сказать, не обратятся ли некоторые люди, как только политика нулевой терпимости будет ослаблена, снова к преступности как к средству выживания, возможно, взяв за образец старый шаблон воровского мира, чтобы руководствоваться им в своих действиях.

Книга Гэвина Слейда является значительным вкладом в литературу, посвященную организованной преступности и возможному ее контролю, а также постсоветской преступности и уголовному правосудию в области, едва ли охваченной исследованиями. Мы рады возможности опубликовать ее в серии *Кларендонские исследования в области криминологии*.

*Роберт Райнер
Лондонская школа экономики
октябрь 2013 года*

Благодарности

Идею этой книги помогла мне сформулировать в 2006 году Лела Чахая. Это было в Тбилиси. Я также в огромном долгу перед семьей Мачарашвили, в доме которой я жил во время моих продолжительных исследований. Эта книга, возможно, никогда не была бы завершена без них. В Кутаиси меня приютила и заботилась обо мне семья Иоселиани. Мне очень помогли знания Георгия Глonti, Гиви Лобжанидзе и Лаши Брегвадзе. Большую помощь оказала мне организация Penal Reform International в Тбилиси: спасибо Майе Хасии, Эке Якобишвили, Цире Чантурии и Раиту Куузе. Морета Бобохидзе, Мари Габедава и Нана Лобджанидзе также активно содействовали мне в ходе исследования.

Спасибо Александру Купатадзе и Вахтангу Кекошвили, которые разделили мой исследовательский интерес к криминальному миру Грузии. За уделенное мне время и щедрую помощь я также хотел бы поблагодарить Ираклия Котетишвили, Хиору Тактакишвили, Шоту Утиашвили и Гию Сирадзе. Мое пребывание в качестве иностранного научного сотрудника в Caucasus Research Resource Center в Тбилиси в течение всего 2011 года оказалось чрезвычайно плодотворным. Спасибо за это Кобе Турманидзе и Гансу Гутброду. Я также благодарен Тимоти Блаувельту за советы по работе с архивами. И Элу Уотту и Уильяму Данбару за хорошую компанию в Тбилиси.

В Оксфорде, Великобритания, где я написал и защитил диссертацию, которая легла в основу этой книги, мне помогали Ян Лоудер, Федерико Варезе, Мэри Босуорт, Джудит Паллот, Лаура Пьячентини и Диего Гамбетта. Огромное спасибо Лие Чокошвили из Оксфордского языкового центра за долгие часы судейства

в моем почти проигранном поединке с грузинской глагольной системой.

В Торонто, Канада, где я заканчивал эту книгу, мне очень помогли Мэтью Лайт, Мариана Вальверде, Питер Соломон и Анна Долидзе. Тобиас Акерлунд, Кристофер Берглунд и Паоло Кампана прочитали черновики отдельных глав книги и предоставили отзывы перед отправкой ее в издательство. Неоценимую помощь при подготовке русского перевода мне оказала Мира Аубакирова — я очень ей благодарен.

Мое исследование было поддержано стипендией Совета экономических и социальных исследований Великобритании, работа над английской версией книги стала возможна благодаря стипендии для постдокторантских исследований, финансируемой правительством Канады. Русский перевод этой книги был поддержан грантом социальной политики Назарбаев Университета, Казахстан.

Проведению исследований и написанию книги очень способствовала поддержка Андриани Фи́ли. Моя сестра энтомолог Элеонора Слейд познакомила меня с биологическими и экологическими идеями, которые также нашли отражение в этой книге. Наконец, я выражаю благодарность моим родителям, Элисон и Виктору, которые воспитали во мне приверженность идее, что каждый должен иметь возможность получать образование; они возбудили во мне любопытство и привили любовь к получению знаний. Эта книга посвящена им.

Грузия: жизнь «ПО ПОНЯТИЯМ»

В январе 2012 года на окраине города Афины (Греция) полиция арестовала человека, разыскиваемого за множество преступлений в Испании, Франции, России и Грузии. Эти преступления включали в себя покушение на убийство, создание вооруженной группы, вымогательство, отмывание денег и, наконец, членство в мафиозном сообществе. Арестованного звали Лаша Шушанашвили. Лаша родился в грузинском городе Рустави, отсюда и его кличка — Лаша Руставский. Важно отметить, что Лаша считался правой рукой недавно убитого руководителя тбилисской организованной преступной группировки Аслана Усояна, также известного как Дед Хасан¹. Тбилисская группировка действовала большей частью в российской столице, городе Москве, и состояла в основном из грузинских экспатриантов, приехавших из столицы Грузии города Тбилиси и его окрестностей. Более того, у Лаши был особый, элитный криминальный статус большого босса, именуемого по-грузински «*каноньери курди*», то есть «вор в законе», и живущего по особому кодексу чести, называемому «понятия»².

¹ Дед Хасан был застрелен снайпером в Москве в январе 2013 года в связи с конфликтом его группировки с другими группами грузинского и азербайджанского происхождения [Roth 2013]. Конфликт, приведший к смерти Хасана, рассматривается в главе 5.

² В оригинале используется английский термин «thief-in-law», прямой перевод с русского «вор в законе», что означает «связанный законом», то есть кодексом чести воров, известным как «понятия». [Serio, Razinkin 1994] предлага-

Он был возведен в ранг вора в законе в 1979 году во время отбытия шестимесячного тюремного заключения. Обладание этим статусом делает его признанным членом изначально советского, но пережившего распад Советского Союза преступного братства, существующего с 1930-х годов.

После ареста ему грозила экстрадиция из Греции в любую из вышеупомянутых стран. Сами греки обвинили его в подделке документов. Однако больше всего Лаша не хотел, чтобы его выслали на родину. По сообщениям прессы, «на допросе Шушунашвили неожиданно заявил, что готов отсидеть срок где угодно, кроме Грузии» [Грузия Online 2012]. На первый взгляд это кажется удивительным. После распада в 1991 году Советского Союза Грузия, небольшая горная республика с населением 4,4 миллиона человек, расположенная к югу от России между Черным и Каспийским морями, считалась одной из самых коррумпированных и криминогенных республик постсоветского пространства. Государственные институты были слабы, и им недоставало правового обеспечения; экономическая и социальная жизнь большей части населения Грузии протекала вне рамок законности. На фоне слабости центрального правительства особенно высок был статус полевых командиров и преступников. Подобные Лаше воры в законе были романтизированы и воспринимались как честные и негнибаемые люди, гибрид советского узника ГУЛАГа, известного как «*блатной*», и кавказского преступника-горца, известного как «*абрек*»³. Именно в них видели тех, кто осуществ-

ют перевод «*thieves professing the code*» («воры, исповедующие кодекс»), хотя этот вариант довольно громоздкий. В Грузии используется грузинское выражение «каноньери курди», что опять же является непосредственной калькой с русского. Автор предпочитает использовать английский термин «*thief-in-law*» для простоты и в связи с его широким использованием в настоящее время в посвященных соответствующим преступникам англоязычных публикациях. В конце книги приводится глоссарий с некоторыми ключевыми терминами.

³ Понятие «*абрек*» на Кавказе воспринимается очень эмоционально. Подобно «социальному бандиту» Хобсбаума [Hobsbawm 1971], борющемуся за справедливость, хоть и рассматриваемому государством в качестве преступника, *абреки*, особенно в XIX веке, были преступниками, связанными с сопротив-

ляет неформальное управление, арбитраж и принудительное исполнение приговоров.

В течение многих лет для людей вроде Лаши Грузия была подлинной вотчиной. Тем не менее, как признал он сам, к 2012 году из образцовой постсоветской республики, в которой царит организованная преступность, Грузия превратилась в страну, совсем не подходящую для боссов преступного мира. Что же изменилось? На этот вопрос отвечает данная книга. Говоря коротко, она посвящена изменчивой устойчивости преступных групп и успеху государственных мер, направленных на снижение влияния организованной преступности. Если об организованной преступности в России написано много, книг, посвященных остальному постсоветскому пространству, весьма мало⁴. Тем не менее настоящая работа не является очередным повествованием об организованной преступности, просто перенесенным в нерусскую, но все же постсоветскую, обстановку⁵. Цель, как я объясню далее в этой главе и в главе 2, скорее, состоит в том, чтобы объяснить, как и почему организованные преступные группы могут (или не могут) противостоять натиску государства. При этом рассматриваются как государственная политика, так и динамика адаптации самих этих групп к меняющимся социально-экономическим условиям. В постсоветском пространстве Грузия является важным для изучения примером: ни одна другая республика бывшего СССР не проводила такой прямой антимафиозной политики, как эта страна в 2005 году, и не заявляла о таких успе-

лением имперскому правлению. Хотя само слово, возможно, имеет осетинское происхождение [Ботяков 2004], образ *абрека* стал широко распространен в Чечне и других республиках и автономных областях северного и южного Кавказа. В Грузии абреки также являются популярными фигурами и героями большого количества литературных произведений.

⁴ Несмотря на это см. [Kupatadze 2012], автора превосходного сравнительного анализа организованной преступности в Грузии, Украине и Кыргызстане с точки зрения государственного введения.

⁵ В частности, о России см. [Гуров 1995; Williams 1997; Shelley 1999; Varese 2001; Galeotti 2002; Volkov 2002; Oleinik 2003; Satter 2004; Serio 2008]. Книга опирается на лучшие из источников, в частности на Гурова, Варезе и Волкова.

хах в борьбе с организованной преступностью. Как в указанном пространстве, так и за его пределами опыт Грузии можно рассматривать для демонстрации того, как организованные преступные группы становятся уязвимыми и как относительно бедная страна, погрязшая, казалось бы, в проблемах, связанных с организованной преступностью, занимается ими, что приносит обществу как положительный, так и отрицательный результат.

Особое внимание в книге уделяется постепенной адаптации воров в законе к новым грузинским социально-экономическим реалиям постсоветского периода и помехам, которые эта адаптация создает государственным усилиям по борьбе с мафией. В ней также рассматриваются направленные против мафии законы и проводящаяся начиная с 2005 года политика. В сущности, книга рассказывает о том, как мафия и государство прошли через имевший место в Грузии после распада Советского Союза процесс «реорганизации» преступности, во многих смыслах этого слова. В следующей ниже вводной главе излагается краткая история Грузии и воров в законе с момента обретения этой страной в 1991 году независимости. Устойчивость указанной преступной группы, пережившей огромные изменения в социально-экономическом и политическом ландшафте последних лет, делает ее начавшееся в 2005 году движение к утрате своего влияния в Грузии еще более любопытным.

Независимость Грузии и слабость ее государственности

Грузия провозгласила свою независимость от Советского Союза в апреле 1991 года⁶. Грузинам было не впервой добиваться свободы от колониального господства. Зажатая между империями Грузия на протяжении веков сталкивалась с нашествиями монголов, персов, османов и русских, сохраняя тем не менее

⁶ Грузия была захвачена и покорена Советским Союзом в 1921 году. До этого, в 1918 году, она провозгласила независимость от России, создав недолговечную Демократическую Республику Грузия.

уникальный язык⁷ и яростную, древнюю приверженность христианству и Грузинской православной церкви⁸. После получения независимости в 1991 году страна, однако, покатила по пути насилия, упадка и обнищания, поскольку с отделившимися автономными регионами Южной Осетией и Абхазией вспыхнули конфликты и, сначала в Тбилиси (декабрь 1991 — январь 1992), а затем в Западной Грузии (1993) разыгралась гражданская война. К середине 1990-х годов Грузия превратилось в ослабевшее государство — правительство не контролировало значительные территории, поступление налогов с населения прекратилось, а государственный бюрократический аппарат был коррумпирован и деморализован.

В это время люди по всей стране стали вооружаться. Часто это были этнические ополченцы, связанные с сепаратистской борьбой. Им противостояли национальные грузинские группы, включавшие сформированную в 1989 году организацию *Мхедриони* (в переводе с грузинского «Всадники») и Национальную гвардию. Обе группы были основаны и управлялись прошедшими через тюрьмы преступниками и, укомплектованные недисциплинированными рекрутами, быстро отделились от властных структур и занялись корыстной и вымогательской деятельностью. Эти группы входили в коалицию, силой свергнувшую в декабре 1991 года первого президента независимой Грузии Звиада Гамсахурдиа. В условиях вакуума власти Эдуард Шеварднадзе, бывший первый секретарь ЦК КП Грузинской ССР (1972–1985) и советский министр иностранных дел в правительстве М. С. Горбачева,

⁷ Грузинский язык не родственен индоевропейским и семитским языкам и является основным языком картвельской языковой семьи, не имеющей родственных языков за пределами Кавказского региона, хотя попытки связать грузинский язык с баскским и древним шумерским языками предпринимались.

⁸ Грузия была одной из первых стран в мире, принявших христианство. Подавляющее большинство грузин (около 90 % по данным переписи 2002 года) являются православными, хотя наличествует небольшой процент других конфессий и малочисленное мусульманское население, сконцентрированное в Аджарии, регионе, граничащим с Турцией.

был снова приглашен в Грузию и в 1992 году начал снова руководить страной.

Присутствие Шеварднадзе придало Грузии международный авторитет. Он приступил к созданию конституционной основы государства. А к 1995 году кооптировал такие внеправовые военизированные формирования, как *Мхедриони*, в государственные структуры и договорился о временном прекращении на территории Грузии вооруженных конфликтов. Шеварднадзе находился у власти в 1992–2003 годах. В течение этого времени его положение нередко было шатким. Правительство в Тбилиси утратило контроль над территорией страны, управляло одним из самых коррумпированных государств мира [Transparency International 2003]⁹ и имело в своем распоряжении минимальный бюджет.

Шеварднадзе оставался зависимым от неформальных договоренностей между центром и региональными лидерами, предоставляя им относительную автономию в обмен на лояльность режиму [Stefes 2006]. Грузины, народ, известный в советское время тесными социальными связями и культурой неформальной взаимопомощи, обращались к неформальным защитникам и помощникам в разрешении споров, что помогало налаживать жизнь.

В этом отношении конкурентное преимущество имела одна группа действующих лиц — воры в законе. С отступлением государства эти люди становились все более заметными. Профессиональные преступники, они имели в грузинском социуме тщательно культивируемую и основанную на мифологизированном прошлом репутацию почетных нарушителей закона. Среди всех советских республик Грузия была крупнейшим поставщиком воров в законе. После распада Советского Союза эта сомнительная честь сохранилась. По состоянию на 2004 год из примерно 1000 воров в законе на постсоветском пространстве 350 были выходцами из Грузии, что для страны, население которой состав-

⁹ В 2003 году Индекс восприятия коррупции, публикуемый «Трансперенси Интернешнл», поставил Грузию на 124-е место из 133 государств в мире с результатом 1,8 балла из 10.

ляло 2 % всего советского населения ([Глонти, Лобжанидзе 2004: 34]; см. также [Калинин 2001; Утицин 2006; Ворособин 2006; Данилкин 2006])¹⁰ является крайне непропорциональным числом.

В 1990-е годы воры в законе действовали в Грузии безнаказанно, внедряясь в легальную экономику и поддерживая своих покровителей в грузинском парламенте. Временами они казались более могущественными, чем правительство. Как утверждают, в июне 2003 года, председательствуя на заседании правительства в Тбилиси, Шеварднадзе признал: «воры в законе съели страну». При этом в марте 1992 года он сам был приглашен в Грузию известным вором в законе Джабой Иоселиани, который в то время входил в свергнувший президента Гамсахурдиа [Wheatley 2005; Zurcher 2006; Areshidze 2007] правящий триумvirат. Вышеприведенными словами Шеварднадзе отреагировал на известие о том, что один из известных воров в законе Тариэл Ониани сыграл важную роль в освобождении трех сотрудников Организации Объединенных Наций, взятых в заложники в Кодорском ущелье в Западной Грузии. Полномочный представитель Шеварднадзе в этом ущелье Эмзар Квициани с гордостью сообщил прессе о своих связях с ворами в законе и примененных методах спасения заложников [Devdariani 2003]. Действительно, Квициани был знаком с криминальным миром, поскольку его племянник Бачо Аргвлиани являлся инициированным вором в законе, и, используя неуправляемую полувоенную организацию *Монадире* («Охотник»), якобы подчиненную Министерству обороны Грузии [Edilashvili 2006], они вместе преследовали собственные цели на границе с отколовшимся регионом Абхазией.

Ко времени этого похищения недовольство правлением Шеварднадзе выросло, в особенности из-за ошеломляющей кор-

¹⁰ Напрашивается очевидный вопрос: учитывая, что воры в законе в принципе могли быть выходцами из всех национальностей и уголков советского, а затем и постсоветского региона, почему именно Грузия произвела их так много? На этот вопрос нет простого ответа. Я приведу основные пункты объяснения выдающегося положения Грузии (и отдельных ее регионов) в производстве воров в законе в заключительной части работы и коснусь этой темы в главах 3, 5 и 6.

рупции в стране и отсутствия функционирующего государственного бюджета. В ноябре 2003 года спорные результаты парламентских выборов вызвали массовые протесты, приведшие к мирному свержению Шеварднадзе. Этот захват власти стал известен как «революция роз»¹¹. В результате молодой юрист и бывший министр юстиции Михаил Саакашвили и его партия «Единое национальное движение» (ЕНД) на относительно свободных и справедливых выборах [OSCE 2004a; OSCE 2004b] в 2004 году на волне популярности вошли в правительство.

Несмотря на то что реформы были зачастую спорными, они отличались быстрыми темпами, масштабностью и сумели преобразить Грузию. Их суть заключалась в возрождении монополии государства на насилие на всей контролируемой им территории. Местным лидерам был брошен вызов, и центральное правительство одержало верх. Полиция и тюрьмы были массово очищены от коррумпированных чиновников, а 17 тысяч сотрудников Министерства внутренних дел были уволены и заменены новыми людьми [Kupatadze et al. 2007]. Ввиду возросшей нагрузки на суды были введены в юридическую практику соглашения о признании вины, были также построены новые тюрьмы и введен принцип нулевой терпимости ко всем преступлениям, в результате чего число заключенных в период с 2003 по 2010 год подскочило на 300 % [Slade 2012a].

В этом контексте организованная преступность стала главной мишенью нового правительства. В 2005 году была развернута кампания по борьбе с мафией. Ее главной мишенью были воры

¹¹ «Революция роз» была одной из так называемых «цветных революций», которые произошли в середине 2000-х годов на постсоветском пространстве. К ним относятся «оранжевая революция» на Украине (2004) и «тюльпановая революция» в Кыргызстане (2005). Эти революции имели некоторые общие черты. Все они использовали молодежные группы, которые в той или иной степени самоорганизовались по образцу движения «Отпор», сыгравшего значительную роль в успешном свержении Слободана Милошевича в Сербии в 2000 году. Все цветные революции возникли как мирные уличные протестные движения после спорных выборов. Они требовали политических перемен, прекращения политической коррупции и получали прямую и косвенную поддержку Запада.

в законе. Развернутая в соответствии с сицилийским опытом, эта кампания имела три направления атаки. Во-первых, в законодательство были внесены изменения, которые криминализировали саму принадлежность к преступным сообществам, известным как *курдули самкаро*, или «воровской мир», а также обладание статусом вора в законе. Новые законы позволяли конфискацию имущества, приобретенного незаконным путем. Уголовный кодекс был изменен так, чтобы выделить для содержания воров в законе специальную тюрьму вдали от других заключенных при исключительно суровом режиме. Во-вторых, как уже упоминалось, пенитенциарная система и полиция были очищены от коррумпированных элементов, которые ранее вступали в сговор с ворами в законе. Этим был ликвидирован буфер покровительства, который в прошлом защищал воров в законе от действий государства. В-третьих, несколько позже на низовом уровне была начата программа гражданского просвещения, которая способствовала «правовой социализации» и объясняла негативные последствия организованной преступности.

Кампания, несомненно, была успешной. К июню 2006 года генеральный прокурор сообщил, что в Грузии не осталось ни одного не сидящего в тюрьме вора в законе [Лента 2006]. К 2007 году только 7 % респондентов в национальном опросе избирателей сообщили о положительном отношении к ворами в законе [International Republican Institute 2007]. В недавнем репрезентативном исследовании преступности, проведенном Грузинским международным центром общественного мнения и маркетинга [GORVI 2010], 70 % респондентов заявили, что авторитет воров значительно снизился; 10 % — что он несколько снизился; а 6 % — что он был потерян. Индекс организованной преступности Всемирного экономического форума (World Economic Forum's Organized Crime Index), показав заметные улучшения в период с 2004 по 2006 год [Kupatadze 2012: 10]¹², подтверждает прогресс Грузии.

¹² Показатели верховенства права в Грузии, измеренные Всемирным банком, также значительно улучшились, опять же см. [Kupatadze 2012].

Конечно, это не означает, что вся организованная преступность, более широкая категория, определяемая как долговременные преступные действия, совершаемые с участием многочисленных координируемых субъектов, пытающихся монополизировать торговлю каким-либо незаконным продуктом или услугой с использованием насилия или угрозы насилия [Schelling 1984; Varese 2010], была в Грузии полностью ликвидирована. Организованная преступная деятельность, такая как торговля наркотиками, организованная проституция, незаконные игорные синдикаты и контрабандная перевозка людей, все еще имеет место. Однако есть некоторые свидетельства того, что с началом борьбы с ворами в законе число таких случаев значительно уменьшилось. Хотя трудно судить об уровне организованной преступности конкретно, последние исследования в этой области показывают, что уровень виктимизации среди жителей Грузии значительно снизился и достиг уровня, существовавшего до 1991 года, более низкого, чем во многих частях Западной Европы, а чувство безопасности значительно усилилось. Респонденты неизменно объясняли это двумя взаимосвязанными реформами: полицейской реформой и политикой борьбы с мафией [GOR-VI 2010].

Существует целый ряд причин, по которым в грузинском контексте борьба с ворами в законе должна была предшествовать общему ослаблению организованной преступности. Во-первых, воры в законе и их сообщники не только часто действовали в сфере организованной преступности, такой как незаконный оборот наркотиков или отмывание денег, но и, будучи мафией¹³, обеспечивали дополнительные функции управления — защиту и арбитраж — в преступном мире, что делало возможной координацию между преступниками и, следовательно, способствовало организованной преступности. В сущности, воры в законе создали трест, необходимый для функционирования преступного мира. Во-вторых, правила и иерархия «воровского мира» были ориентиром для большей части криминального бизнеса

¹³ Рассмотрение того, как я использую этот термин, см. в главе 2.

в Грузии. Именно из-за этого политика борьбы с мафией предусматривала забрасывание широкой сети, вылавливающей людей, которые, лично имея с ворами в законе очень мало общего, вели организованную преступную деятельность в условиях «воровского мира», тем самым подвергая себя риску сурового наказания в соответствии с новыми законами.

Таким образом, политика борьбы с мафией играет важную роль в объяснении более общих тенденций к повышению уровня безопасности, снижению уровня виктимизации и сокращению организованной преступности в отличающемся высоким уровнем насилия регионе мира. Важно подчеркнуть значение государства и его политических установок, включающих в себя использование как наилучших международных практик в форме копирования передовой политики и перенимания опыта, так и наихудшей местной практики в виде нарушений прав человека и существования карательного и жестокого режима. Посвященная этому дискуссия рассматривается в главе 4. Однако нам еще предстоит поинтересоваться, почему сам воровской мир не смог противостоять государству. Как показано в главе 2, устойчивость организованных силовых групп к государственному давлению во всем мире весьма неодинакова. Как же объяснить такую вариативность?

Вопрос устойчивости

Последствия политики борьбы с ворами в законе чувствуются в Грузии очень остро. Успешный на первый взгляд результат и победа государства вызывают недоумение по целому ряду причин. Во-первых, непонятно, почему эта политика практически не встречала устойчивого сопротивления — по сравнению, например, с реакцией сицилийской мафии, которая убивала судей и проводила кампанию террора, когда государство выступило против нее в 1992 году [Jamieson 2000; Schneider, Schneider 2003]¹⁴.

¹⁴ Тем не менее в главе 4 рассматриваются возможные акты сопротивления, имевшие место в Грузии.

Во-вторых, результат тем более загадочен, поскольку за свою долгую историю воры в законе уже пережили множество внешних ударов. Что же изменилось на этот раз, если вообще что-то изменилось? В-третьих, как мы можем объяснить все эти успехи, учитывая, что до «революции роз» проблема организованной преступности на постсоветском пространстве и в Грузии в частности рассматривалась как неразрешимая и считалась естественной особенностью культуры, а также социально-экономического ландшафта в этой части мира? Ответы на эти вопросы имеют значение за пределами Грузии, как в ближайшем регионе, так и вообще в странах, где организованную преступность якобы невозможно искоренить. Они также явно имеют отношение к общему исследованию организованной преступности и политике борьбы с ней.

Вот кажущийся очевидным ответ: политика борьбы с мафией, проводимая грузинским правительством, была настолько широкомасштабной и жесткой, что фактически эту мафию уничтожила. Однако это слишком упрощенная точка зрения, что и продемонстрировано в данной книге. Отдавая должное политике грузинских властей, она рассматривает загадку того, что случилось с ворами в законе в Грузии, с другой точки зрения — с точки зрения самих преступников. Вопрос, на который эта книга ищет ответ, таков: почему мафия в Грузии не смогла дать отпор, когда государство бросило ей вызов? Этот вопрос можно более специфично сформулировать следующим образом: *как объяснить низкий уровень устойчивости имеющих авторитетный криминальный статус вора в законе лиц к антимافیозной политике в Грузии, проводившейся с 2005 года?*

Для того чтобы показать, как воры в законе стали уязвимы для государственного давления, исследование будет опираться на теорию устойчивости к экзогенным шокам. Главный аргумент в этом случае будет состоять в том, что организованная преступность далеко не всегда получает удовольствие от вакуума власти. Так что в условиях неопределенности, высокого риска и нестабильности в Грузии после обретения независимости, под влиянием новых социально-экономических условий эффективность

действий местной мафии снизилась, криминальная составляющая ее структуры оказалась неспособна к адаптации. Таким образом, как только в 2005 году в Грузии началась кампания по борьбе с мафией, воры в законе оказались дезорганизованными, крайне уязвимыми и неспособными оказать какое-либо скоординированное или устойчивое сопротивление. Данное тематическое исследование дополняет литературу, посвященную устойчивости преступных сетей и пониманию организованной преступности и политики борьбы с ней в бывшем Советском Союзе.

Книга включает шесть основных (3–8) глав, в которых анализируются переменные, влияющие на уязвимость и устойчивость организованных преступных групп применительно к ворами в законе. До перехода к ним следующая глава коснется более глубокой истории воров в законе до 1991 года. В ней также приводится краткое рассмотрение теории упадка мафиозных организаций и их устойчивости, которая служит основой остальной части книги. Эта глава также содержит примечание, посвященное используемым в книге методологии и источникам.

Устойчивость и упадок мафиозных организаций

Воры в законе появились несколько десятилетий тому назад, скорее всего, в 1930-е годы. С тех пор произошли огромные потрясения и глубокие социальные преобразования. В 1950-е и 1980-е годы воры в законе были объектами целенаправленной политики. В период с 1930-х по 1980-е годы и вновь в 1990-е годы в социально-экономических условиях произошли резкие изменения. Учитывая долгую и бурную историю воров в законе, их с полным основанием можно назвать гибкими людьми. Эта устойчивость, по-видимому, была значительно снижена после того, как в 2005 году грузинское государство начало борьбу с ворами в законе — основная задача исследования состоит в том, чтобы объяснить снижение этой устойчивости. Главная цель данной главы — определить и рассмотреть важнейшие концепции книги, дать обзор литературы, посвященной упадку мафиозных организаций, и заложить основу для понимания переменных факторов, связанных с устойчивостью мафии. В этой главе также кратко комментируются источники данных и примененные методы. Сначала, однако, здесь дается очень сжатый обзор истории воров в законе, поскольку она тесно связана с ситуацией в Грузии. Эта история неопровержимо свидетельствует о проверенной способности своих героев противостоять государственному давлению и общественным изменениям.

Очень краткая история советских воров

В марте 2007 года президент Грузии Михаил Саакашвили обратился к парламенту с посланием о положении дел в стране. В 2005 году правительство Грузии ввело в действие политику борьбы с мафией, и теперь, похоже, настало время объявить о победе. Говоря о ворах в законе, Саакашвили заявил:

Костяк системы криминальных авторитетов сломан ... некоторые из сидящих в этом зале говорили, что парламент маленькой независимой Грузии вряд ли сможет сделать то, что не смог сделать сам Сталин. Я хотел бы сообщить вам сегодня, что ... десятки криминальных авторитетов предстали перед судом и были изолированы от общества [President's Office 2007].

Советского диктатора Иосифа Сталина, являвшегося этническим грузином, Саакашвили упомянул не случайно: воры в законе возникли в трудовых лагерях ГУЛАГа 1930-х годов [Солженицын 1974; Чалидзе 1977; Шаламов 1994; Эпплбаум 2015]. В расширяющейся лагерной системе Советского Союза при Сталине воры в законе составляли преступное братство, возглавлявшее тюремную иерархию. Такие иерархии существовали и до Советского Союза. До революции существовала категория *воров*, но она не была высокой и имела двадцать пять подкатегорий [Oleinik 2003: 64]. По мере того как после революции тюремное общество перестроилось, одна из этих подкатегорий, *урки*, в конечном счете заняла в иерархии первое место. Выражение *вор в законе* стало титулом для тех, кто его получил, достигнув вершины тюремной иерархии, и таким образом были ассимилированы многие аспекты культуры *урок*. Именно в это время, в первые годы ГУЛАГа, возникли основные аспекты так называемого *воровского мира* — социального института иерархий, норм и ритуалов. Эти основные аспекты вкратце описаны ниже.

Слова «в законе» в именовании соответствующих воров служат отсылкой к кодексу чести, также известному как «понятия». Воры должны были придерживаться этого закона, подчиняясь

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru